

Нашему коллеге, доценту кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского университета 14 сентября 1996 года исполняется 60 лет. Его многочисленные труды давно приобрели общероссийскую известность. Желаем Александру Александрович Ермичеву доброго здоровья и творческих успехов.

Поздравляем!

Редакция "Вече"

А. А. Ермичев

ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ*

Приступая к чтению курса, не могу не высказаться о своем понимании философии вообще, ее предмета и задач. По недостатку времени, сказанное мною будет не доказательным, а утвердительным. Но определить общие рамки, в которых будет излагаться история русской мысли как история философии все же необходимо.

Говоря о философии, каждый из нас имеет в виду некое конкретное ее проявление, допустим, В.С.Соловьева. Однако легко понять, что вносимая им новизна является результатом диало-

* Вступительная лекция к курсу «История русской философии».

га В.С.Соловьева с предшественниками и современниками. Мы также знаем, что любая новизна будет оспорена, а то и просто отодвинута на периферию философского интереса и ее прежнее первое место будет занято другой новизной. Утвердимся в мысли, что в истории философии главным является не результат, а движение к нему, осуществляемое в форме диалога. Платон, Фихте, Бердяев и иные важны для философии как моменты ее движения, и только потом — как результаты. История философии — это многоголосица суждений относительно чего-то главного, того, что задает ей целостность некоего драматического действия.

Что же является предметом философии? О чем спорят философы и почему эти споры никак не завершатся? Они спорят о том, что там, за горизонтом видимого и понятого. Они толкуют о природе метафизической реальности, той, что лежит за границами наличного бытия, но в отношении к наличному бытию выступает в качестве его первооснования, первоисходности, первопринципа. Философия никогда не довольствуется наличным знанием, вновь и вновь задавая вопросы... «Там, за горизонтом» и является собственно предметом философии? Философия ищет Абсолют, первооснование первооснований бытия и познания. Философия всегда метафизика. Она всегда — желание бесконечного и прорыв в бесконечное, осмысление и оценка границы между конечным и бесконечным, относительным и абсолютным, частью и целым, бытием и существованием и т.д.

Но кому нужно это печальное, если не смешное, шествие за синей птицей философии? — спросите вы. Неужели тысячелетний опыт не убеждает нас в безнадежности этого предприятия? Но не удивительно ли постоянство упорного стремления к философствованию? — задам я встречный. Быть может, не нужно искать последнюю истину, но что делать, если люди не могут не желать её? От философии, как от смерти, невозможно уйти. Философствовать и быть человеком — одно и то же. Философия составляет натуру человека, о чем большинство людей и не подозревает. Но как только человек задается вопросом о том, что там, за видимым, как только он спрашивает о тайне — он становится философом, будь то ученик первого класса, приступивший к освоению арифметических действий, студент исторического факультета, стремящийся понять причину народных волнений, рабочий, разыскивающий причину неисправности в работе машины и так далее.

Философия укоренена в нашей жизни вопросительной обращенностью к ней. В известном смысле можно говорить о философии как о самопознающем бытии. Философия бытийственна. Она самопознание и самоосмысление бытия, осуществляемое им при помощи и посредстве человека как своей неотъемлемой части. И человек идет к неизвестному, гонимый не праздным любопытством; он ищет Абсолют, то, что имеет бытие в себе самом, что вечно, непросто, совершенно и бесконечно. В неизвестном человек ищет того, что прочно, надежно, самодостаточно — он ищет Дом. В познании человек обретает надежду и надежда движет его к познанию. Человек стремится к Абсолюту всем своим существом, всей своей духовно-душевно-разумной натурой, хотя, конечно, каждым из нас это движение осуществляется весьма нецелостно, преимущественным действием одной какой-либо способности, больше развитой у него, нежели другие. Более того. Целостность стремления к Абсолюту совершается в мозаике результатов самых различных сфер человеческой духовно-душевно-разумной деятельности — в религии, морали, искусстве, праве, науке и т.п. и каждая из них улавливает лишь отдельные отблески Абсолюта.

Итак, понятно, что говоря о философии, прежде всего мы имеем в виду объективный процесс движения человеческого духа к Абсолюту, процесс, совершаемый всей совокупностью человеческих сил. Субъективным выражением этого объективного процесса будет мировоззрение, в котором человек ставит себя под знак Абсолюта, соотнося с ним свою единичность и конечность. Мировоззрение — это поскостороннее обнаружение объективного процесса философии, им одухотворяется наша жизнь. Таков другой аспект существования философии, другое ее понимание.

Имеется еще один аспект, быть может, самый важный для понимания содержания философии. Он обнаруживается, когда мы сознательно ставим вопрос о природе нашей вопросительной обращенности к миру, пытаемся понять ее природу и формы ее обнаружения и предложить свой ответ в систематической форме. Только теперь мы становимся философами по преимуществу. Собственно философия, понимание ее, предложенное в этом, более узком, чем представленные выше, аспекте есть осознанная попытка понимания того, как возможно вопросительное отношение человека к миру и каковы возможные ответы на подобные вопросы. В ней осознается и систематизи-

руется метафизическая страсть человека к Абсолюту. Своего высшего выражения такое осознание принимает в области профессионального занятия философией.

Профессионализация философского занятия — следствие разделения труда, дифференциации сфер культуры: «отвлеченная мысль осуществляется в цехе» (А.И.Герцен). Профессионализация является результатом длительного процесса развития культуры в обществе в целом, и далеко не все народы достигли такой дифференциации самостоятельно, без помощи и без оглядки на другие народы. Говоря о профессионализме, я имею в виду не только род специализированной работы, ученые звания и должности, а, прежде всего, высокое качество критико-исследовательских занятий философской проблематикой. Он предполагает, во-первых, широкую образованность, начитанность и эрудицию, достигаемые при регулярном и многолетнем образовании. Во-вторых, профессионализм означает также владение логикой, механизмом философствования, методом и приемом мышления. В-третьих, профессионализм рационалистичен, систематичен и критичен, т.к. философ, педагог обязан предлагать свои воззрения в общезначимой форме.

Конечно, при определенных условиях в профессионализме возникает опасность консерватизма мысли, формализма и схематизма в оценке движения к Абсолюту, потери чувствительности к неясному, неопределившемуся в исканиях, что более улавливается в мировоззрении. Но и отсутствие профессионализма, который в самой полной мере выражает критическое, целостное и систематическое понимание Абсолюта, пагубно для философии-мировоззрения. В этом случае ей угрожают две опасности: растворение в иных областях общественного сознания и дилетантизм. В первом случае философия подменяется общественной мыслью, национальной идеологией. Собственно философия остается где-то в стороне. Во втором случае, при дилетантском к ней подходе, она превращается в забаву. «Тут никто не женируется! Предметы все знакомые — ум, разум, идея и проч. У всякого есть палата ума разума и не одна, а много идей» (А.И.Герцен).

Наверное, имеется какая-то мера в отношениях философии-мировоззрения и философии как профессионального знания и, видимо, ее невозможно предугадать. Она задается жизнью культуры. Но когда эта мера достигается, то общество делает рывок в познании Абсолютного. Я сказал бы даже так:

такой рывок налицо, там требуемая мера была найдена.

В этом отношении эвристически интересен спор между двумя замечательными русскими философами — В.Ф.Эрном и С.Л.Франком, состоявшийся в 1910 году на страницах журнала «Русская мысль». Спор касался вопроса о принципе, конституирующем философию. Не рассматривая всего содержания спора, отметим только вывод, к которому приходит С.Л.Франк. Он таков: во-первых, философ различает «чисто рационалистическое познание, которое руководствуется исключительно логическими безличными критериями и познание мистически интуитивное, которое сознает свой источник как реальную божественную силу и себя самого как живое общение с Богом». Во-вторых, он находит, что эти два начала познания исторически и национально распределены; это значит, что в определенных исторических условиях жизни того или иного народа преимущественное выражение получает одно из этих начал. Можно, к примеру, в определенной степени согласиться с тем, что в России преимущественное развитие и выражение получило познание мистически-интуитивное, а в Западной Европе — чисто рационалистическое. Но это не значит отсутствия ни в России, ни в Европе иных, помимо господствующих в этих культурно-исторических регионах начал. В каждом из них народы нашли свою меру.

С определенной долей адекватности диалог В.Ф.Эрна и С.Л.Франка можно интерпретировать как спор о соотношении философии как мировоззрения и как профессионального занятия, систематизирующего (рационализирующего) мировоззрение.

Наконец, последнее. Философия закрепляет себя в слове. Пока слово философа не прочитано, не услышано, философия молчит и это равнозначно ее отсутствию. подобно тому как невозможно говорить о живописи без зрителя (в таком случае мы имеем дело с холстом и нанесенными на нем красками), без читателя не существует философии. Она есть, имеется, живет лишь когда кто-то приник к ней чутким своим слухом, включился в спор, диалог. По-настоящему философия живет в тебе, актуализируясь до оригинальной идеи, если, конечно, у тебя имеется особый склад ума. Момент личностного усвоения философии более чем важен. Речь идет не просто о философской образованности кого-либо из нас, а о том, чтобы мы прониклись философией, сделали философским сам состав всего нашего познавательного и оценочного отношения к миру. Фило-

лись философией, сделали философским сам состав всего нашего познавательного и оценочного отношения к миру. Философия есть всеобщее и личное дело. История философии, философия существуют и вне тебя; но жить она начинает только в конкретной личности — в Канте или в тебе.

II

Радикальным основание всему, что говорится о специфике русской философии, является простой факт, что Россия была особенной частью европейского социально-экономического и культурного пространства. К семье европейских народов она присоединилась, приняв христианство. Разгром ее татаро-монгольскими ордами и последующее трехсотлетнее иго, создали нетипичную для Европы социальную и политическую организацию общественной жизни. Православие закрепляло эти различия. Имевшая возможность развиваться как особый мир, страна попала в поле притяжения капиталистического развития Западной Европы, став страной второго эшелона капитализма. Однако Россия надолго задержалась в маргинальном состоянии; освобождаясь от феодализма и вращая в капитализм, она не смогла вполне пересечь условную черту, отделяющую одно качество общественной жизни от другого. Можно легко представить себе последствия такого порядка вещей. В таком обществе социальные противоречия сдерживались насильственно, даже консервировались самодержавием, чем стимулировалось неумное революционное брожение в интеллигенции и народе. А культурные последствия были еще более значительны и печальны. Достаточно упомянуть, что очень поздно, в конце XVIII века, стала складываться регулярная система народного образования, что первый русский университет был открыт лишь в 1765 г., а прочие, немногие, были основаны только в XIX веке, что существовали невероятные культурные контрасты между сословиями в России и что русская культура становится вполне светской лишь в первые тридцать — сорок лет XIX века. В силу этих обстоятельств в области культуры Россия была обречена на то, чтобы соразмерять себя с Европой, соотценивать свои ценности с европейскими, даже когда она утверждала свою самобытность. Последнее хочу пояснить: отношение русского к Европе было двойственным. Он видел в Европе свое второе отечество и тогда же делал ее объектом

ционные потенции европейского социума. Критика Европы требовала своего позитивного восполнения; его негде было найти, как в своей собственной истории, в «не-Европе» — в России. Этой «не-Европой» оказались патриархальные христианские структуры сознания и структуры народного быта.

Но, признав специфику русской социальной и культурной истории, мы будем обязаны также признать особенности русского философского развития. Этой главной особенностью русской философии, растворенной в русской жизни и в русской культуре, следует признать особенный «процент» присутствия в ней профессионализма в том смысле, который был пояснен выше. Если философия как объективный процесс изначально присуща жизни русских, как и любому другому народу, то философия в единстве второго и третьего аспектов ее значения складывается у русских под мощным воздействием европейской жизни, воздействием, которое русские всегда признавали, хотя и неоднозначно оценивали. В таком случае главным фактором русской истории философии оказалось чрезвычайно позднее — только в последней трети XIX века — становление русской философии как специального, законом и обществом признанного, института культуры. На то были свои причины.

Как уже сказано, набор социально-культурных факторов, которые сойдясь в одно, порождают философию как специальное осмысление мировоззренческих вопросов, видимо, определить невозможно, но, вне всякого сомнения, он должен быть, хотя и различным для разных стран и народов. В самом общем виде эти факторы сводятся к определенному качеству образованности общества (включая сюда и науку), большей или меньшей однородности его и, наконец, известному уровню политических и гражданских свобод, что в совокупности делает общество не только толерантным к свободной критической философской мысли, но и нуждающимся в ней.

Не имея возможности рассматривать эти условия в подобающей полноте, рискну сделать некоторые замечания о субъекте русской философии и об отношении к ней государства, что имеет прямую связь с вопросом об особенностях ее развития.

Философия Западной Европы в том виде, как она предстала умственному взору России во второй половине XVIII века, была продуктом многовекового социально-культурного развития, в котором философия как научное знание была столь же цени-

котором философия как научное знание была столь же ценным и необходимым занятием, как и развитие образованности и науки в целом. Вместе с наукой философия была предметом забот общества и государства. В атмосфере гражданских и политических свобод свобода философского вопрошания уважалась так же, как и любая другая свобода. Развитие Европы шло еще и так, что между правящими классами и невежественными низами существовала грация социальных и культурных переходов, сделавших возможные контрасты общественно-безопасными.

Не то было в России. Русские, постоянно обнаружившие свою любовь к свободе, внешней свободы — упорядоченного общественного устройства, при котором мог бы возникнуть институт философии, подобный европейскому, не имели. Они только шли к такому устройству долгими годами бунтов, восстаний и революций. Свобода философии не вмещалась в тесноту социальной несвободы. Этим и объясняется желание русской интеллигенции утилизировать философию для целей социально-политического освобождения, а с другой стороны — желание государства избавиться от опасной подрывательницы устоев, подозрительность к которой со стороны государства, карательные меры против нее, постоянно возобновлялись на всем протяжении русской истории.

Творцом отечественной философии выступает интеллигенция. Первоначально рожденная духом петровских времен как социальная прослойка, призванная обслуживать государственное, образовательное и техническое обустройство, она, начиная с 60-х годов XVIII века, становится носительницей светского европеизированного знания, соперничая с государством по влиянию на общественную жизнь. В сороковые годы XIX века, русская интеллигенция, до этого выступавшая неким культурным и социальным целым, разделяется по своим социально-политическим симпатиям на революционную, либерально-реформистскую и консервативно-охранительную. С известной степенью точности можно было бы говорить, что история русского философствования это и есть отражение истории нашей интеллигенции. Вопросы социального характера, ставшие для русской интеллигенции первостепенными, вынудили ее предпочесть «интеллигентскую правду» «философской истине», определили социально-утилитарный подход к философии. «Отщепенство» интеллигенции от государства, ее оторванность от

народа, от «почвы», оппозиционность наличному порядку вещей стимулировало мировоззренческие размышления (известное дело, цветы духовности хорошо произрастают на усуренной кровью земле), но неблагоприятно сказываются на умении и желании быть рационально-систематичным.

А каким было отношение государства к философии? Упомянем ради объективности, что первый опыт внедрения профессиональной философии на родную почву был предпринят в 1724 г., когда она была включена в необходимое число научных и учебных дисциплин, образованной Петром I Академией наук. К сожалению, общественно-культурные последствия этого события были весьма скромны и не удивительно, что многие историки начинают русскую философию с открытия Московского университета в 1755 году. В стенах его наметилась стабильность преподавания этой дисциплины, а вместе и мнение о ее самостоятельности, научной и мировоззренческой важности. Это не могло не пробуждать интереса к философии. Однако все это не сопровождалось свободой философского исследования. Существовали всякого рода ограничения относительно содержания читаемых курсов: преподаватель пуще страха смертного должен был бояться возвысить свободный разум. Напомню о репрессиях, обрушившихся на Казанский, Московский и Санкт-Петербургский университеты в 20-х годах XIX века. Напомню также и 1850 год, когда князь П. А. Ширинский-Шихматов, назначенный тогда министром просвещения, заявил, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». В соответствии с этим чиновным мнением преподавание философских дисциплин в светских учебных заведениях было ограничено логикой и психологией, а чтение их было поручено законоучителям и студенты смеялись, что их заставляют слушать курсы «божественной логики».

К лучшему положение изменилось после 1863 г., когда согласно с новым университетским уставом кафедры философии были воссозданы и обрели подобающее место в университетском образовании. Установилась стройная система подготовки специалистов-философов, включавшая в себя командирование будущего профессора за границу. Возникали общественные инициативы в области философского образования. В 1885 г. при Московском университете создается Психологическое общество, имевшее целью развитие философии и философское просвещение русского общества.

В восьмидесятые годы XIX века в России возникает специальная философская периодика: с 1885 г. в Киеве стараниями А.А.Козлова стал выходить «Философский трехмесячник», а в 1889 г. в Москве появился самый лучший русский философский журнал «Вопросы философии и психологии».

Нужно упомянуть о длительности философского профессионализма в русских Духовных академиях. В.В.Зеньковский довольно высоко оценивает их роль в русской философии. Так, в частности, он находит, что в XVIII веке основное значение в развитии философской культуры в высшей школе принадлежало Киевской и Московской Духовным академиям и что в XIX веке в них начинаются «творческие философские движения».¹

Революционные события 1917—1922 гг. резко отрицательно сказались на русской философии. Речь идет не только о гибели, вымирании работников умственного труда, но о том, что новый режим был принципиально антифилософичен. Утверждение марксистской философии в качестве государственной, объявление работ Маркса, Энгельса и Ленина истинами в последней инстанции сразу же уничтожили основную предпосылку нормального философствования — диалогичность, что в конце концов, привело к сложным процессам вымывания философичности из самого марксизма, к превращению его в чистую идеологию.

Таковы непосредственные обстоятельства существования русской философии. *Отсутствие философии как автономной сферы культуры* (в высшем своем выражении — профессиональной философии) *вытесняло философскую проблематику в иные сферы ее, заставляло говорить философию на несвойственном ей языке. Философия оставалась скорее философствованием*, разлившемся как весеннее половодье — безбрежно, местами глубоко, местами — мелко.

Этот факт выражал собою пагубный недостаток рационального начала в русской жизни, или, как говаривал Н.А.Бердяев, отсутствие в русском менталитете «мужественного, рыцарского» начала, незнание русскими «меры», «середины», той константы, что образует благоустроенную жизнь, о которой вздыхали многие русские мыслители.

Отсутствие такого критико-рационального начала определенным образом сказалось и на исторических судьбах «соборности», «коммунитаризма», как одной из главных характеристик русского сознания в целом. История ступшевала личностный

аспект этого содержания, сдвинула на дальние планы, выдвинув на первое место идею общности, не проработанную критическим сознанием личности.

Нет, не природная предрасположенность к мистицизму или скептицизму исключила «возможность настоящей философии» у русских, как думал В.С.Соловьев, а другое — их особенная социальная и культурная история. Опять же, выражаясь словами В.С.Соловьева, философия как «безусловно независимая и в себе уверенная деятельность человеческого ума» требует для своего развития не просто определенных культурных и образовательных условий, но и существования последних в условиях гражданских и политических свобод.

Теперь понятно, что цель обращения русских к европейским философиям была, так сказать, служебной. Европейские философии не были для русских самодостаточными ценностями, а выступали в качестве своеобразного цемента, теоретически скреплявшего их собственное мировоззрение.

III

В историографии сложилась странная традиция отделения «философии в России» от «русской философии». Предпринимающие такую селекцию, руководствуются соображениями об особенном русском духе, нашедшем адекватное выражение в некоей совокупности имен и тем. Что касается «философии в России», то она-де имеет не специально русское, а некое заимованное, иноземное происхождение. Против этого можно возразить дважды. Во-первых, очевидно, что основанием для разделения «русской философии» и «философии в России» служит неявно выражаемое убеждение, будто философия непосредственно выражает «душу народа», «народный дух». Между тем, это верно лишь в отношении к мировоззрению. Что касается собственно философии, которая ставит и решает проблему гносеологического и ценностного оправдания мировоззренческих вопросов, то видеть ее генезис непосредственно в психологии народа — это неверно. Собственно философия произрастает не на народном духе, а на верхнем слое культуры. Во-вторых, касаясь содержания «философии в России» нужно заметить, что все воспринятое, заимствованное, воспроизводимое, русскими воспринималось и воспроизводилось по-русски, русским умом, им трансформировано, превращено в явление русского духа.

Понятно, что не усваивать более разработанные системы, предлагаемые Западом, было бы просто глупо, несообразно с жизнью. Напротив, русских унизило бы не заимствование, а глухота к чужому, настаивание на никчемности его. Это превратило бы русских в инородцев на планете Земля. Заимствование в области культуры вообще, в философии в частности — это естественный, нормальный закон развития единого человечества и Россия не может быть исключением из его действия. Наш замечательный профессор А.И.Введенский говорил по этому случаю: «...Так оно и должно быть: большее или меньшее заимствование и подчинение чужим влияниям — это общий закон развития философии любого европейского народа... Надо обращать внимание не на то, что она (русская философия — А.Е.) заимствованная, а на то, как давно произошло заимствование, при каких условиях оно совершилось и распространилось и что именно успела сделать у нас философия при этих условиях»². *Русскую философию нужно рассматривать во всей полноте исторически сложившегося в ней содержания, образованного сложным переплетением мотивов европейской (значит по преимуществу, систематической профессиональной) философии и русского философствования — мировоззрения, нашедшего себе выражение в литературе и знаменуемого именами Пушкина, Достоевского, Толстого.*

В качестве внутренней формы этого образования выступает непреложный факт количественной и качественной диспропорции между русским мировоззрением (философствованием) и собственно теоретическим его содержанием. В таком дуализме имеется нечто неладное, неправильное, свидетельствующее о разладе в самой русской действительности, в среде обитания русской мысли. Имманентная история русской философии характеризуется либо параллелизмом существования этих двух содержаний, либо частичным совпадением, либо, наконец, их сближением, имеющем целью гармонизировать желаемое единство. В самом деле, если «Платон мне друг, но истина дороже», то значит ли это, что во имя истины я должен отказаться от друга? И — если должен, то правда ли, что предлагаемое является истиной? Русская история философии — это история поиска истины как справедливости, справедливой истины, иначе говоря, правды, о которой писал Н.К.Михайловский.

Сближение русского философствования и профессиональной философии в России происходило как раз в этой устремленнос-

ти русского сознания. Сразу же напомним о наблюдении другого замечательного мыслителя — С.Л.Франка, который, говоря о русской правде, как единстве теоретической истины и нравственной правоты, находит, что и немецкое «richtig» и английское «right» имеют примерно такой же теоретический и нравственно-практический смысл.

IV

Итак, можно говорить о двух — внешнем и внутреннем — поясах содержания русской философии: она выступает в виде национальной идеологии или русского мировоззрения, но также в виде рефлексии над мировоззрением или теоретической философией. Соответственно: мы могли бы говорить о русских мыслителях и отдельно — о русских философах. Разумеется, различие между ними весьма условно, оно замеряемо даже не только наличием в их размышлениях рефлексирующего начала (что, конечно же, в большей или меньшей мере, присутствует у каждого), а хотя бы более или менее ясно выраженным стремлением к самоосмыслению продуманного и высказываемого.

Впрочем, интересен не столько вопрос о том, включать или нет в учебный курс русской истории философии Ф.М.Достоевского или В.В.Розанова (я-то думаю, что включать следует), сколько вопрос о начале русской философии, с которого она обозначила свое существование в том виде, в каком она предстает на последнем, совершенном и завершающем этапе — в XIX — первой половине XX века.

Тот, кто не отождествляет философию с национально-общественной мыслью, не ограничивает ее мировоззрением, ведет это начало либо от профессиональной институализации философии, либо по отчетливости выявления в ней логико-гносеологической проблематики, либо связывает это начало со становлением национальной культуры.

Примером первого подхода является А.И.Введенский. Он называет четыре временные точки, с которых каждый раз вновь начинается русская философия — 1755 год, первые 10—15 лет XIX века, 60-е годы XIX века и, затем, современные ему годы. При этом каждое начало он увязывает с мерами правительства по профессионализации философских занятий.

Второй подход присущ историко-философским работам Г.Г.Шпета, С.Л.Франка, Б.В.Яковенко, акцентирующих внимание на выявлении в русской философии систематического логико-гносеологического начала.

Мне более симпатична третья позиция. Ее хорошо передал о. Г.Флоровский: «... Не вообще наступает время философствовать, но у определенного народа возникает определенная философия. Такому пробуждению всегда предшествует более или менее сложная историческая судьба, полный и долгий исторический опыт и искус, — теперь становится он предметом обдумывания и обсуждения. Начинается философская жизнь как новый модус или новая ступень народного существования». Это начало он относит на грань 20—30-х гг. XIX века. Другой авторитетный историк русской философии Д. Чижевский относит философское пробуждение в России к 40-м годам. Он тоже говорит о прорыве русского сознания сквозь непосредственность «русской традиции и западных нововведений». «... Вся действительность, — пишет он, — была поставлена под знак вопроса, стала проблематической, нуждающейся в оправдании. Это требовало прежде всего самостоятельного мышления, а не только чтения книг». Его позиция близка позиции В.В.Зеньковского, считавшего, что самостоятельная русская философия появляется тогда же, когда русское творчество начинает свой собственный путь с поэзией А.С.Пушкина. Правда, установившуюся философскую систему он относит ко второй половине XIX века и связывает этот процесс с именем В.С.Соловьева. Н.О.Лосский тоже считает, что в первой половине XIX века можно увидеть только «зародыши оригинального философствования у славянофилов, только намеченную программу для будущих работ. Лишь в последней четверти XIX века в России появляется великий философ с мировым именем — Вл.Соловьев»³.

Явление духа плохо подчиняется датам. Но совершенно определено: философия у русских — равно как у любого другого народа — начинается с появления некоей всеобщезначимой социально-культурной проблемы, для решения которой потребна философия, а не какая-либо иная форма духа. Для нас этой проблемой стала русскость, иными словами, проблема национальной самоидентификации. Отечественная война 1812 года, победоносное продвижение русских «варваров» к берегам Сены, а затем трагедия 14 декабря резко поставили вопрос об исторической индивидуальности России, и он стал решаться в фило-

софских формах, предложенных Европой. Любомудры (Шеллинг). Чаадаев (французские консерваторы и Шеллинг), славянофилы (Шеллинг и Гегель), западники (Гегель, а потом французские социалисты и Фейербах) закладывают философский фундамент самосознания России. Европейская философская мысль как более старшая и разработанная используется русскими для обоснования и осмысления собственных социально-культурных задач, постепенно прорастая в глубинах западничества и славянофильства как общественных явлений. Особенно большую роль в этом процессе сыграла самая философская из западноевропейских философий — немецкая. Она — писал И.В.Киреевский, «может служить у нас самую удобную ступень мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древнерусской образованности...»⁴

В зависимости от принципа, посредством которого русские «встраивались» во всемирную историю, их философская мысль разделяется на светскую и религиозную, а последняя — с очевидным тяготением к конфессионализации христианства.

Русская философская мысль в том виде, как она становится в 20-25 лет между несчастьем 14 декабря 1825 года и наступлением «мрачного семилетия», была не плодом нечаянной встречи с европейской мыслью, а закономерным продуктом европеизации страны в целом. В этом смысле славянофилы и западники — это русские европейцы. Русское общество (а не только русское государство) вращалось в европейскую жизнь и органично принимало европейские формы мышления. *Настало время первого приступа русских к теоретической философии.*

Для понимания общего характера нашей мысли очень важна реакция русских учеников на западноевропейскую философию, взятую в ее высшем, гегелевском выражении. Она же была критической, вплоть до отказа от философии.

Славянофилов смущало то, что в европейской философии живая личность, индивидуальный носитель знания подменяется гносеологическим субъектом, а самое бытие выступало в ней в форме познавательных образов. Западники тоже говорили о вражде философско-европейского общего к личности (В.Г.Белинский), о несовпадении логического и исторического (А.И.Герцен), о смятении «свиного имманентизма» Гегеля соображениями о роли, которую в истории играет география, антропология и т.п. (Т.Н.Грановская). В европейской философии

русских не устраивало то, что они именовали «отвлеченностью», то есть отдаленностью от конкретности живых личных и общественных процессов. Короче говоря, русских не устраивала нежизненность философии. Русские отвергли Гегеля во имя жизни — жизни в церкви (славянофилы) и жизни в социуме (западники). Взамен философии славянофилы предложили познание и жизнь в соборном сознании; западники — антифилософскую теорию реализма. Если философия не соответствует жизни, тем хуже для философии, — таков был вердикт времени. Это стимулировало антифилософские настроения у русских. Антифилософскими выпадами особенно отличились власти дум молодежи 60-х гг. XIX в. Н.А.Добролюбов и Д.И.Писарев. В этом им не уступал такой представитель славянофильствующей русской мысли как Н.Ф.Федоров, явно предпочитавший неученым ученым. В.С.Соловьев вместо философии предлагает особый род знания-жизни — теософию, в которой философия занимает почетное, но ограниченное место.

К сожалению, при этом совсем не был поставлен вопрос о том, доросла ли русская жизнь до философии, до теоретического исследования философствования — а ведь этот вопрос и является решающим. Однако и то следует сказать, что предпочитая жизнь философии и направляя свои усилия на переделку жизни, представители русской общественной мысли приближали ее к философии.

Таким был первый период сближения теоретической философии с русским мировоззрением, период, выпавший в основном на 30-е — 50-е годы XIX в.

Второе сближение теоретической философии с русским мировоззрением начинается после реформ 60-х гг. XIX века. Благодаря им преподавание философии прочно входит в университетские программы, и — что было наиболее важным — общество доросло до понимания философии как науки, необходимой для построения мировоззрения. Уже в 80-е годы о философии как науке — хотя и по-разному, но согласно, говорят русские кантианцы, гегельянцы, неолейбнищанцы, позитивисты, сторонники философии всеединства. Это общее мнение было выражено в цели, поставленной журналом «Вопросы философии и психологии». Ею же было «общее развитие человеческого сознания и воли», достигаемое «свободным и всесторонним теоретическим обсуждением основных вопросов жизни и знания», чтобы «построить цельное, чуждое логических противопо-

речий, учение о мире и жизни, способное удовлетворить не только требования ума, но и запросы сердца». ⁵ Богатая палитра философских направлений, глубокие возможности, хотя и начальные по степени разработанности проникновения в коренные философские проблемы, активное позитивное освоение теоретических вопросов западной мысли — все присутствует в русской жизни 80-90-х годов прошлого века.

Все же обстоятельства русской жизни сложились так, что с началом русского духовного ренессанса господствующее положение в общественном сознании стали занимать различные варианты ненаучной, «вероисповедной» философии. На этот раз она попала в подчинение не к науке, как это было в 60-е годы, а к религии.

Третья попытка совмещения теоретической философии с мировоззрением должна была естественно выпасть на годы русского духовного ренессанса. Большая заслуга в деле философской образованности русского общества принадлежит Санкт-Петербургскому университету, давшему русской культуре значительные имена кантианца А.И.Введенского и его ученика и идейного противника Н.О.Лосского.

Исходя из состава знания А.И.Введенский отрицал метафизику как науку, одновременно утверждая философию как теорию познания (логику) с «присоединением связанной с ней и основанной на почве добытых ею выводов системы научно-разработанного мировоззрения». Напротив, Н.О.Лосский, исходя из состава сознания, был уверен в возможности научной метафизики.

Движение к научной философии, наметившееся в России с 80-х годов и закрепившееся в интуитивизме Н.О.Лосского, получило мощную поддержку со стороны «неозападников» — ведущих авторов неокантианского и феноменологического журнала «Логос», выходявшего в России в 1910 — 1914 гг. Они находят настоящее положение русской философии печальным (она подчинена сиюминутным интересам жизни, в ней господствует «приватизм», т.е. не философская методология и т.п.). Но одновременно Б.В.Яковенко, Ф.А.Степун, С.И.Гессен, В.Э.-Сеземан декларировали глубокую веру в ее будущее, основанную на высокой оценке русской культуры. Свою задачу они видели в приобщении выраженных в ней оригинальных мотивов к общей культуре Запада». В философском решении этой задачи они думали начать собственную философскую тради-

цию — «либо ее у нас совершенно не будет, либо она будет безусловно русской». ⁶ Русская философия может быть только научной и в силу этого приобрести общечеловеческое значение, подобно тому, как греческая или немецкая философии равно принадлежат философии как таковой.

Общий интерес к европейской философии, подогреваемый активной пропагандистской работой «Логоса» принес свои плоды. Собственно гносеологическая тематика входит в сочинения «вероисповедных» философов; критицисты и феноменологи, в свою очередь, прониклись сознанием необходимости осваивать русскую тематику. На этом взаимопроникновении русских и европейских интересов порождается множество интереснейших явлений отечественной мысли — метафизика конкретного идеал-реализма Н.О. Лосского, учение о металогическом бытии С.Л. Франка, герменевтика Г.Г. Шпета и др. ⁷

Таким образом, в истории XIX века мы обнаруживаем три приступа к теоретическому осмыслению русского мировоззрения, выпадающие на 30 — 40-е годы XIX века, на 80-е и на начало XX века. Из мотивов, решений и вопросов, предложенных и рассмотренных в этих трех временных напряжениях складывается содержание собственно русской философии.

V

Философию как форму мышления Россия освоила менее чем за столетие. Теперь нужно обнаружить ее собственно *русское* содержание, то есть найти ее основной *тонос*, задаваемый структурой познавательного и практического отношения к миру. Понимая, что философия есть часть культуры, мы обращаем внимание на русское мировоззрение — это Материнское Лono нашей мысли для того, чтобы в самой структуре философско-теоретического отношения к миру увидеть отпечаток русского духа. Константные ценности народного мировоззрения — весьма трудная для анализа вещь. При их выделении невозможно миновать уже сделанные наработки, хотя выбор последних тоже имеет известную долю условности. Оговорив это, согласимся с той характеристикой русского духа, о которой с пренебрежением говорят «демократы» и с похвалой «патристы». *Ею является соборность* (то же — коллективизм). Формулировку этого качества русского сознания очень удачно предложил С.Л. Франк. Для русского мировоззрения, — говорит он, —

«последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я»... «МЫ» является органическим целым, т.е. таким единством, в котором его части тесно с ним связаны, им пронизаны; «МЫ» полностью присутствует в своих частях, как их внутренняя жизнь и сущность. Но «Я» в его свободе и своеобразии этим не отрицается. Только своеобразие и свобода «Я» образованы такой связью с целым, жизненность «Я» создается сверхиндивидуальной целостностью человечества». ⁸ Очевидно, что МЫ как наличность описывается либо социологически — и тогда МЫ выступает как «коллектив», расширяющий свой объем до «человечества»; либо в терминах метафизических как духовная первосущность МЫ-бытия, обнаруживаемая непосредственно, то есть интуитивно как самоощущение единства Я со своим неведомым еще основанием. Для человека естественен вопрос о смысле этого Первооснования, которое одновременно выступает и Первосмыслом.

В русской мысли не могло сложиться иного решения этого вопроса, чем оно имелось в истории мировой мысли — либо светское, ненаучное, либо религиозное.

В позитивистском марксизме, этом предельном выражении светского, научного подхода к Первоначалу, оно выступало в виде бессознательного порождающего вещества. Превращение этого Первоначала в мир истории и культуры, в которых действует смысл, выпадала на долю человека, который объективно данную реальность преобразовывал в субъективно изменяемую. Бытие становилось прогрессом человеческой свободы. Русский марксизм раскрывал историю как переход от вещества к сознанию, от неосознанной необходимости в состояние организованной свободы. В приближении к ней история раскрывает свой имманентный смысл и задача личности как раз состоит в том, чтобы быть единичной формой его проявления.

В религиозной философии этим Первоначалом-Первосмыслом был Творец и главной заботой русских религиозных философов было осмысление его отношения к миру и человеку. Вся философия русских светских богословов XIX — первой половины XX века занята главной проблемой — преодолением трансцендентности Бога и мира. С П.Я. Чаадаева к Н.В. Гоголя в ней складывается активистская позиция «социального христианства». Свое завершение историсофское выражение она получает в учении о Богочеловечестве у В.С. Соловьева, а русский духовный ренессанс, создавая «религиозную обществен-

ность», тем самым одействоряет ее. Преображение истории мыслилось в со-трудничестве Бога и каждого человека, а сама земная жизнь представляла огромным возводящимся храмом.

Следовательно, говоря о первой характеристической особенности русского содержания философии, говоря об основном ее тоне, мы называем активизм, праксиологичность ее, оправдание примата жизни-действия над познанием. Выражением активизма в сфере теории стали различные концепции, оправдывающие примат жизни над познанием; это и различные формы интуитивизма, и субъективный метод в социологии, и учение о практике как основе и цели познания и критерии истины, и известный онтологизм религиозной философии и учение об интенциональности сознания и т.п. В конечном счете, во всех этих концепциях и предложениях познание толкуется как выражение качества жизни человека.

*Другой содержательной особенностью теоретической русской мысли, вполне вытекающей из ее праксиологичности, является философский конкретизм, желание и стремление «философски понять и изобразить живой опыт».*⁹ Подтверждение этому можно найти повсеместно — от жалоб на отвлеченность западноевропейской философии и желания ее преодоления в «философии жизни» до создания метафизики «конкретного идеал-реализма» у Н.О.Лосского, учения о конкретности истины у диалектиков, учении о смысле Г.Г.Шпета.

Легко понять, что эти особенности, обозначенные такими широкими мазками, не исключают русскую философию из западноевропейской, а делают ее частью, стороной общеевропейского философского движения. Просто мотивы праксеологии и конкретизма в русской мысли звучат, быть может, чаще чем в западноевропейской и оттого образуют с первого взгляда заметную «красную нить» в ее содержании.

Моя лекция подходит к концу.

История русской философии превосходно демонстрирует простой факт, что она — русская и европейская одновременно. Выделить из этого сплава какую-то одну составляющую невозможно, как невозможно отделить одну сторону листа бумаги от другой. Но если мы поднатужимся и все же попытаемся раззять неразъемное и выделим в русской философии стерильное теоретическое содержание, то и здесь нас постигнет неудача, так как это собственно философское содержание окажется русским настолько же, насколько немецким или итальянским.

Только и всего, что это теоретическое содержание, теоретическое начало пришло к нам несколько позже. Между тем, как раз на этом факте основано распространенное и для многих обидное мнение о якобы неоригинальности, несамостоятельности русской философии.

Давайте спокойно в этом разберемся. Давайте согласимся с тем, что в философии оригинальность всегда означает не абсолютную, а относительную новизну. Человечество, однажды напав на золотую жилу философии, впоследствии только разрабатывает ее, восхищаясь бесстрашием труда и ума первых золотоискателей. Еще раз обращусь к авторитетному мнению А.И.Введенского, писавшего так: «Даже сама греческая философия, если и обошлась без прямых заимствований, о чем трудно судить, во всяком случае была подготовлена и пробуждена перенесением с Востока разнообразных научных сведений. Путем же усвоения греческой философии, возобновившегося в эпоху Возрождения, постепенно, лишь в продолжении двух столетий, выработалась самостоятельная новая философия».¹⁰

Интересно, что когда Б.В.Яковенко осуждает русскую философию за неоригинальность, то он сравнивает ее с греческой и немецкой и, в меньшей мере, с итальянской и английской. И это показательно. Говоря об оригинальности, следует измерять ее высокой и непревзойденной мерой античной, итальянской (времени Возрождения), английской (XVII—XVIII веков), немецкой (XVIII—XIX веков) философии.

Что же касается оригинальности, раскрывшейся в рамках сложившейся меры философского мышления, то она является нормальным, повседневно действующим законом философской жизни и потому характерна и для «бедных, странных» русских, которые никак не могут выйти на столбовую дорогу «цивилизованных народов».

Любой профессионал с философским дарованием оставляет свой след в истории философии. Там, где философия ценится как род профессиональных занятий, где ею больше занимаются или там, где взрывные или взрывоопасные социально-культурные ситуации провоцируют к решению «проклятых вопросов» — там больше возможностей проявить свой философский талант. Речь, значит, идет не о неспособности какого-либо народа к философии, а о возможном выявлении философского дара, об историческом и культурном статусе страны в целом.

Случается ситуация, когда оригинальный мыслитель остае-

ся не востребовавшимся — известен пример датчанина Кьеркегора или поляка Цешковского. Приведу другой, более близкий нам, пример. В своих воспоминаниях — они были написаны в сороковых годах нашего века — Н.О.Лосский, как бы со стороны оценивая свой интуитивизм, писал: «Лет через пятьдесят, это (то есть его теория. — А.Е.) будет наиболее широко принятая теория знания. Хотя я первый разработал эту теорию всесторонне, именно в гносеологии, логике и психологии, она не будет связываться с моим именем, во-первых, потому, что мои соотечественники, русские, никогда не солидарны друг с другом и, во-вторых, потому, что западноевропейцы презрительно относятся к русским».¹¹

Говоря о вкладе русских в мировую философию, хотелось бы отметить три простых и очевидных момента.

Момент первый. Сам по себе этот вклад просто-напросто недостаточно изучен и в этом, прежде всего, повинны мы сами. В двадцатые годы в Европу было депортировано свыше 50 философов, обладающих высочайшей профессиональной подготовкой и творческой самостоятельностью. Сказать о том, что они не оказали воздействия на развитие европейской мысли, это значит сказать неправду. Этой правды мы не знаем просто по нашей лени.

Момент второй. Бесспорно, что в XIX—XX веках русские предложили ряд учений и поныне сохраняющих свою ценность: концепция живого знания, теория культурно-исторических типов, конкретный идеал-реализм Н.О.Лосского, тектология А.А.Богданова, герменевтика Г.Г.Шпета, учение об объективации у Н.А.Бердяева, онтологизм С.Л.Франка и, быть может, многое другое.

И третье. Бесспорным также является воздействие великой русской литературы, русского философствования на мировую философскую мысль. Без нее облик современной западной философии (по крайней мере имея в виду первую половину XX века) был бы совсем другим.

Космос русской мысли имеет мировое значение — приходит время нам самим определять конкретные его параметры.

Если мы философы, то по необходимости мы будем продолжать задачу научного осмысления мировоззрения и — русского мировоззрения. Нынче Россия входит в новую социокультурную реальность, пока еще характеризующуюся негативно, как пост-коммунистическую. На наших глазах произошел какой-

то грандиозный обвал, по существу и последствиям не имеющий аналога в русской истории, разве что слегка сравнимый с событиями 1917 — 1922 годов. Русской философии, всегда чуткой к жизни, придется осмыслить эту реальность, которая раскрывается сегодня в экономической и политической свободе индивидуума. Такое осмысление складывается из нескольких аспектов.

Следует понять ценность индивидуальной свободы, соотнося ее с русской традицией коллективизма (коммюнитарности, соборности) и с опытом западноевропейской истории, о котором русские мыслители сказали много восторженных, а также и нелестных, но не всегда несправедливых слов.

Но для решения этой задачи и в процессе ее решения мы должны будем определяться и будем определяться в исходной позиции. Их же, в соответствии с мировой философской традицией может быть две. Одна ведет свое начало от Платона. Назовем ее позицией долженствования, идеалистической. Вторую, ведущую себя от Аристотеля, назовем позитивистической. Она идет от признания примата сущего, наличного.

Обращаясь к традициям русского мировоззрения мы видим, что оно было по преимуществу мировоззрением долженствования. Оно судило о мире с точки зрения должного, подчиняя должному даже природу — смерти не должно быть (Н.Ф.Федоров). Русская мысль — это поиск и формирование социального идеала. Она взывает социальной и космической гармонии, хочет очистить мир от царящего в нем зла, ищет Царства Небесного. И — так уж сложилось исторически — этот настрой влечет за собой некое неприемлемое последствие — утопизм, желание беспроблемного, бесконфликтного бытия. Будто Град Небесный может быть построен здесь, на земле, как только люди, восприняв идеи В.Соловьева, или Н.Чернышевского, согласятся на его устройство. Русские согласились на то устройство мира, которое было предложено марксизмом, воспринятом нами в качестве абсолютной истины, религиозного исповедания.

Мы можем определить в рамках философии сущего. Эта позиция грозит опасностью дефилософствования, потери предмета философии. Подстерегает и иная опасность, которую можно назвать деидеализацией общественной жизни, ее обездушиванием, о чем с тревогой и горечью говорили русские мыслители, грозя в будущем наступлением «всемирного мещанства»,

«Чингиз-хана с телеграфом» (А.И.Герцен). Но эта позиция, призывая озаботиться устройением жизни здесь, на земле, сулит немалые удобства, которыми уже располагают так называемые «цивилизованные» страны.

Для нас же цель, видимо, состоит в том, чтобы оставаться идеалистами, не впадая при этом в утопизм.

Так мы возвращаемся к интеллектуальной ситуации, сложившейся в России в начале XX века — к противостоянию идеализма и позитивизма, по-ту-стороннего и по-сю-стороннего мировоззрения. Сама жизнь требует восстановления прерванных традиций.

Цитируемая литература

- 1 *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т.1. Париж, 1989. С.114.
- 2 *Введенский А.И.* Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Сост.Б.Емельянов. Свердловск, 1991. С.27.
- 3 *Лосский Н.О.* Свообразие русской философии // Ступени. Философский журнал. 1992, № 1 (4). С.124.
- 4 *Киреевский И.В.* Избранные статьи. М., 1984. С.272.
- 5 От редакции // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. I. С. IX.
- 6 Цит. по кн. «Русская философия. Конец XIX — начало XX века. Антология.» сост. А.А.Ермичев и Б.В.Емельянов. СПб., 1993. С.429-430.
- 7 О характере взаимодействия сторонников «Логоса» с представителями «вероисповедного» ренессанса см. ст. *С.И.Гессена* «Новейшая русская философия» (Преображение. Христианский религиозно-философский альманах. Вып. 2. СПб., 1993) и *Б.В.Яковенко* «Тридцать лет русской философии. 1900 — 1929. (Философские науки. 1991. № 10).
- 8 *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С.91.
- 9 *Яковенко Б.В.* Тридцать лет русской философии. 1900 — 1929. // Философские науки. 1991. № 10. С.17.
- 10 *Введенский А.И.* Судьбы философии в России. С.27.
- 11 *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С.331.